

ЗА ГОЛУБЫМ ЗАБОРОМ

Один известный писатель решил перебраться на постоянное местожительство из Москвы в родные края, в деревню. Земляки писателя были несказанно обрадованы.

— Я прибыл к вам, — заявил писатель собравшемуся районному активу, — чтобы жить среди героев моих будущих книг, чтобы, как говорят, сесть на материал. Перед вашим районом открываются замечательные перспективы!

Присутствующие догадывались, что прекрасное будущее района некоторым образом связывалось с появлением в их местах известного писателя. И в самом деле, вскоре лицо села начало меняться. Областное управление сельского хозяйства снарядило сюда бригады каменщиков, плотников, штукатуров. На крутом берегу реки Цны, между кладбищем и полуразрушенной церковью, строители установили треноги с теодолитами, воткнули высокие пестрые линейки. Началось строительство писательского особняка.

Не остались в стороне от преобразования облика родного села и герои будущих книг. Сельская молодежь по призыву райкома комсомола была мобилизована на субботник. Следует сказать, что перед тем был заключен устный договор между бюро райкома, с одной стороны, и известным писателем — с другой. Договаривающиеся стороны пришли к следующему соглашению: одна сторона (бюро райкома) обязалась поднять молодежь на вывозку строительного мусора, переноску бревен, рытье ям для посадки фруктовых деревьев, другая сторона (известный писатель) — по окончании работ выплатить десять тысяч рублей на ремонт Дома культуры.

Если одна сторона (бюро райкома) честно выполнила свои договорные обязательства, то другая (известный писатель) уклонилась от таковых. Сначала секретари райкома комсомола, считая нетактичным напоминать о долге, терпеливо ждали.

Затем к писателю была послана делегация. В сверхвежливой форме делегаты выяснили, помнит ли он договорные обязательства. Оказалось, что помнит:

— Как только выйдет «Вечерний звон», вы тотчас же получите ваши деньги.

Вышло первое издание «Вечернего звона», вышло второе, а обещание писателя так и осталось пустым звоном.

— Постойте, постойте! — воскликнет читатель. — Когда и где происходили описываемые события? О каком, собственно, писателе идет речь? К чему упоминается «Вечерний звон»? Ведь известно, что эту книгу написал Николай Вирта.

Вы правы, читатель, — «Вечерний звон» действительно принадлежит перу Н. Е. Вирты. О нем и говорится в фельетоне. Время действия — наши дни. А разворачивается оно в селе Горелом Лысогорского района Тамбовской области.

Поселившись в Горелом, «сев, так сказать, на материал», Н. Е. Вирта «пошел в народ».

Николай Евгеньевич порадовал своим посещением районное совещание по лесоразведению. Доклад не понравился писателю. Он не стал дожидаться прений и высказал свое неудовольствие в середине доклада, попутно обвинив в жульничестве некоторых районных работников. А когда герои его будущих книг робко попытались возразить, известный писатель со словами: «Меня ваше собрание не удовлетворило», гордо покинул зал.

Покончив таким образом с лесоразведением, Н. Е. Вирта заинтересовался проблемами сельской электрификации. На эту мысль его натолкнуло тусклое освещение собственного кабинета. Неоднократно он требовал от местных руководителей немедленного форсирования строительства второй электростанции. Он угрожал в противном случае воздействовать через печать. Угрозы, конечно, были излишними, колхозники не возражали против электричества. Беда была в том, что не доставало средств, трудно было со стройматериалами. Убедившись в бесплодности угроз, Н. Е. Вирта предпринял сепаратные действия. В беседе с одним из областных руководителей он предложил:

— Я вам подарю свою книжку с личным автографом, а вы мне — личную электростанцию.

Собеседник Н. Е. Вирты не оценил приносимой жертвы, и сделка не состоялась. Тогда писатель приобрел передвижную электростанцию, установил ее в своей усадьбе, и с тех пор проблемы сельской электрификации его не волновали.

Затем Н. Е. Вирту стали всерьез тревожить вопросы физического воспитания. Пригласив активистов, он сказал:

— Моя Татьяна Ивановна жалуется, что вынуждена кататься по снегу. Мобилизуйте актив, расчистите Цну, сделайте наконец каток!

Кстати сказать, супруга писателя и в самом деле слывет среди местных жителей отъявленной физкультурницей. Это всеобщее мнение укоренилось с тех самых пор, когда однажды утром шедшие на прополку капусты колхозницы встретили Татьяну Ивановну едущей на резвом скакуне. Амазонка совершала утренний моцион. Под этими широтами ее одежда выглядела более чем странно: широкополая шляпа, клетчатая ковбойка, узкие бриджи.

— Эк вырядилась! — покачали головами колхозницы.

Пока Н. Е. Вирта не написал книг о героях, среди которых он живет. Но — странное дело! — сами герои вдруг неожиданно начали писать о своем дорогом земляке.

Мы решили съездить в Горелое. Чтобы узнать, где живет писатель, не надо было спрашивать у прохожих. Двухэтажный красивый особняк, обнесенный высоким голубым забором, резко выделялся среди приземистых сельских хат. Мы миновали резные ворота с голубым фонарем и попали на обширный двор. В конюшне конюхи скреб жеребца, в курятнике кудахтали куры.

— Да, да, — сказал Н. Е. Вирта, узнав о цели нашего посещения, — обо мне много и всюду пишут, часто жалуются.

— А в чем же дело?

— Мало ли клеузников и завистников! — ответил он. — Пишут, будто я за свет во время не плачу, со школьников за подаренный мною конструктор по рублю собираю. Но ведь это все неправда. У меня есть документы.

— А как же с субботником?

— Комсомольцы меня не поняли, — заверил Н. Е. Вирта. — Ведь я обещал дать деньги на строительство нового Дома культуры, а они думали, что на ремонт старого.

Да в деньгах ли дело! Как могло прийти в голову Н. Е. Вирте, советскому человеку, писателю, так опешить самую идею коммунистических субботников! Странно, что Н. Е. Вирта не видит ничего предосудительного в том, что проводил субботник на строительстве персонального особняка.

— Я депутат районного и областного Советов, — продолжал Н. Е. Вирта, — я очень много делаю как депутат. Я обращаюсь в министерства, хлопочу, принимаю избирателей. Я, наконец, подарил детям этот злополучный конструктор, библиотеку. А на днях я отдал свою автомашину больнице. Почему на меня столько жалоб — понять не могу!

Да, конечно, Н. Е. Вирта что-то делает и как депутат. Действительно, он нет-нет да что-то кому-то и подарит. Но именно за эти барстванные подачки и не уважают его на Тамбовщине.

Из-за высокого голубого забора не видит писатель жизни колхозного села. Председатель Гореловского колхоза имени Буденного тов. Татаринцев рассказал, что Н. Е. Вирта за все время не был ни на одном собрании сельхозартели, а если когда и звонил в правление, так только по личным надобностям.

— Вирта сам по себе, а мы сами по себе, — резонно говорят колхозники Горелого.

Советские писатели живут с героями своих книг одной жизнью, радуются одними радостями, печатаются одними печальями. Решение Н. Е. Вирты поселиться в деревне — решение хорошее. Но не туриста хотят видеть в своем селе жители Горелого, а друга, товарища во всех их делах.

И не подачками завоевывается авторитет писателя. Герои будущих книг Н. Е. Вирты, простые труженики, не нуждаются в этом. Непостижимо, как Н. Е. Вирта, претендующий на высокое звание инженера человеческих душ, не понимает, почему он не пользуется авторитетом среди колхозников! А не уважают Н. Е. Вирту за то, что живет он двойной жизнью: одной — в своих книгах, другой — в собственном поместье.

Не кажется ли правлению Союза советских писателей СССР странным то обстоятельство, что Н. Е. Вирта устроил себе роскошное имение по соседству с пока еще небогатым колхозом, и местные старухи говорят о нем: «наш барин»? Не кажется ли странным также и то, что писатель Н. Е. Вирта, отгородившись голубым забором, собирается писать книги о героях, которых он, судя по всему, не видит, не понимает и не уважает?

А. СУКОНЦЕВ, И. ШАТУНОВСКИЙ.